

Ежевика вдоль плетня*

Драма в двух действиях

Действующие лица:

Валя, дочь	Мать
Призрак Васили	Радик
Призрак Отца	Марине
Йоссех, сосед	Лида, сноха

Действие происходит в конце 1970-х — начале 1980-х годов в чувашской деревне.

Действие первое

Сад за домом. Лето. Вечереет. Под яблоней на табуретке сидит Мать, она что-то вяжет. Медленно входят Радик и Марине. Марине плачет, Радик держит ее за руку.

Радик. Ма-а-ма-а-ак!.. Маа-маа-аак!.. Бабушка!..

Мать не слышит.

Маа-а-амаа-а-аак, говойю!..

Мать. Ой, Радик... Чего стряслось-то?

* Перевод автора.

Радик. Вон Майине все плачет и плачет, не пейестает. Глаза у нее зеленые-зеленые, словно яблоки. Почему ты плачешь, Майине, спиашиваю у нее, а она говойит: пйосто мне очень хочется плакать, вот и плачу... Скажи-ка ей, мамак, чтоб пей-естала, а то, глядя на нее, мне тоже хочется плакать...

Мать. Марине, тебе больно?

Марине. А-а...

Мать. Проголодалась?

Марине. А-а...

Мать. Чего ж тогда плачешь, Марине?

Марине. Просто мне очень хочется плакать, вот и плачу. Солнце ведь тоже плачет.

Мать. А ты не плачь, ладно? А то, видишь, и Радик вот-вот заплачет, и у меня в глазах слезы. И так душа нынче не на месте чего-то... Хочешь, песенку тебе спою, а, Марине?

Марине. А-а...

Мать (*тихо напевает*).

Ой, где ягодка быстрее спеет?

На лугу, ой, спеет, на лугу.

Ой, где мак быстрее спеет?

Ой, в саду, ой, спеет, ой, в саду.

Ой, где вишенка быстрее спеет?

На лугу большом, ой, спеет, на лугу...

Ой, блондиночка, ой, где растет?

В деревушке светлой, ой, растет.

Ой, брюнеточка, ой, где растет?

В деревушке темной, ой, растет.

Ой, шатеночка, ой, где растет?

В деревушке средь ольховых зарослей растет...

Радик (*с нарочитой радостью*). Мамак, можно и я спою?

Мать. Давай, Радик, запевай, чтоб земля задрожала!

Радик.

Мать. Ваня идет в кабачок

В пасхальных кйасивых найядах.

Возвйашается из кабачка

В запачканнх найядах —

Белый-белый, словно лукошко,

Чейный-чейный, словно головешка.

Э-эх!..

Как по нашей улице
Сани катятся под гойу.
Когда пйхожу по улице,
Слышу, плачет девочка одна.
У-у, ветей дует, ветей дует,
Мусой подымает ввысь.
Та девчонка, не сдейжавшись,
Зайвела от души...

Марине все плачет и плачет.

Мать. Господи...

Радик. Солнышко светит, солнышко смеется, нашу Майине смешит! Глаза у нашей Майине сухие-сухие, точно вайежки на печке.

Мать. А я и не знала, что ты воду любишь, точно лебедушка... Глянь-ка вокруг, Радик, повсюду ясный солнечный день вроде и только в нашем саду дождь.

Радик. Дождик, лей, дождик, лей, на калач намажу меду...

Мать. Видишь, Радик, душа у нашей Марине большая-большая, великая-великая, как небосвод. И из нее зачем-то все капает, капает... Ведь растает наша Снегурочка!

Марине плачет еще сильнее.

Да ну вас! *(Про себя.)* Сказывают, перед бурей щенята вот так же воют...

Радик. Ту-ту-ту, ту-ту-ту! — вона самолет летит! *(В небе в самом деле слышен гул самолета.)* Таня, Танечка, не плачь, не утонет в йечке мяч!

Мать. Марине, пошли в дом.

Марине. Нет-нет, мамак, я не хочу в дом. Душно там. И стены вокруг. Я хочу слушать дыхание яблонь.

Мать. Радик, там в избе, на столе, в чашке, арбуз должен быть, разрезанный. Принеси, пожалуйста.

Радик. Айбуз? *(Быстро уходит.)*

Мать. Нарспи ты моя маленькая...

Марине. Она же умирает.

Мать. Нет. Ее убивают.

Марине. Нет, мамак, она сама повесилась, я знаю. Одна, в лесу. Она сильно-сильно любила своего Сетнера и потому, когда его не стало, решила повеситься.

Мать. Не только из-за Сетнера. Она, девочка моя, повесилась из-за обиды на весь белый свет. На жизнь свою прогневалась. Жить ей надоело.

Марине. А разве жить тоже может надоест?

Мать. Иной раз ни минуты жить не хочется...

Марине. А почему не хочется, мамак?

Мать. Потому что иногда легче умереть, чем мучиться.

Марине. Я никогда-никогда не хочу умирать, мамак.

Мать. Ты еще мала, моя девочка. Вот проживешь жизнь свою и ближе к старости начнешь ждать своего часа: сегодня ли, завтра ли...

Марине. И ты так и живешь, мамак, постоянно ждешь смерти?

Мать. Сейчас-то, летом, не помру, наверное. Зимой вот тяжело. По весне-то оно легче.

Марине. Мамак, ты только ни за что не умирай зимой, ладно? А то вдруг будут морозы, и меня не возьмут тебя хоронить. Скажут, холодно.

Мать. Эх, дурочка моя маленькая, Марине...

Марине. Мамак, я очень-очень люблю тебя. Если б не было тебя, я бы не жила на этом свете. А может, и не родилась бы вовсе.

Радик (*высовываясь из окна*). Э-эй, Майине-Кулине, не хотите ль на базай, двухгодовалую буйенку в долг пйодавать?

Мать. Нашел?

Радик. Съел уже.

Мать. И Марине не оставил?

Радик. Я съел только один кусок. (*Марине.*) Эй ты, любимая моя подйуга Майине, хочешь айбуз?

Марине молчит.

А то ведь весь съем. И тебе ничего не достанется.

Мать. Поди, не лошадь, все-то не съешь. Неси сюда чашку.

Голова Радика исчезает в окне.

Марине. Когда вырасту, я красивая буду, мамак?

Мать. Ты и сейчас красива, точно василек. А когда вырастешь, станешь крепкой и статной, как мама. Глядишь, все парни на деревне передерутся из-за тебя. А Толик тети Кате-

рины вовсе с ума сойдет. Но ты, конечно, будешь горда и неприступна, даже краешком глаза в их сторону не скосишь. Они для тебя будто пылинки на обочине, правда?

Марине. А Радик?

Мать. А Радик тебе защитником будет. Захочет наглец какой-нибудь тебя обидеть, так Радик ему сразу: эй ты, а ну-ка давай отсюда, от моей сестренки, а то я тебя сейчас!.. Р-раз — и наглеца того словно не бывало...

Радик *(сложив ладони в граммофон)*. Один айбуз — семьдесят копеек, два айбуза — йубль сойок, а пол-айбуза — сколько будет? Отгадаешь — тебе, не отгадаешь — мне, дойюгая моя подйуга Майине...

Марине *(с печалью в голосе)*. Радик, ты мой защитник, правда?

Радик. Защитник?

Марине. Ты всегда будешь защищать меня, потому что я твоя сестренка.

Радик. А ты будешь любить меня? Если не будешь любить, я не стану тебя защищать.

Марине. Радик, и тебя, и мамак, и Жучку я очень-очень люблю.

Радик. А Толика тети Катейининого?

Марине. Ты сам дяди Яшину Нину любишь. И Люсю дяди Юрки.

Радик. Не вйи, дяди Яшину Нину любит тети Катейинин Толик!

Марине. А меня?..

Радик. Говойил же, ты Толика любишь! А-а, сейдечко-то съезжилось! Эй-эй-эй, нельзя так!

Мать молчаливо долго-долго смотрит на них, затем, вытерев слезы уголком платка, уходит.

Любовь это любовь!..

Марине. Радик, айда бабочек ловить!

Радик. Каких, желтых?

Марине. Хоть каких. Лучше бы чернильно-синих, конечно, они мне больше нравятся, но их не догнать, они летают словно ветерки, быстро-быстро...

Радик. Ладно, и койичневых, и чейнильно-синих я тебе поймаю. А ты ежевики найви, вот тебе ведейко.

Марине. Я не знаю, что такое ежевика. Какого она цвета?

Радик. Сизого. Но и чайная бывает.

Марине. А вкусная?

Радик. Вкусная. Из нее мы пйиготовим вино, детское вино. Знаешь, где искать?

Марине. В лесу, наверное...

Радик. Нет, не в лесу, а вдоль плетня.

Марине. А потом в больницу играть будем? Или в магазин?

Радик. Сначала в больницу, потом в магазин. Только смотйи, я опять буду доктойом. Что у тебя болит сегодня, Майине?

Марине. Живот.

Радик. Живот нельзя, живот у тебя вчैया болел.

Марине. Тогда нога.

Радик. Нога неинтейесно. Лучше глаза или спина. Или гйудь.

Марине. Сердце.

Радик. Не сейдце, а душа. Да, душа! И впйавду, сегодня у тебя будет болеть душа.

Марине. Душа?

Радик. Да-да. Душа.

Марине. И как же ты вылечишь мою душу?

Радик. Узнаешь потом. Ну ладно, я побежал за чейниль-но-синими бабочками! Ты не забыла, что я тебе сказал?

Марине. Детское вино.

Радик. Давай на спой, кто быстйее: я бабочек поймаю или ты найвешь ежевики?

Уходят: Марине — с маленьким ведерком, Радик — с сачком. Появляется
Мать.

Мать (*тихо*). Ой, душа ноет. К непогоде, что ли? Может, гроза грянет... Нужен, ох как нужен дождь-то, а то земля вся иссохла.

Где-то рядом кричит Ворона.

Какой-то вечер нынче не такой. Дым... Неужто что-то горит? Где ж это может быть?

К ней подбегает Жучка, начинает ластиться.

Жучка, о-ой, Жучо-ок! Жучка, что с тобой, Жучка? Чего ты такая грустная? В стадо тебе охота, да? Боишься, Красуля

там одна? Э-эй, придет она скоро. Слышишь, буренки заревели за деревней: му-ук! му-ук! Вымя к вечеру у них полное, тяжелое, подоить надо поскорее, а то им больно. Вот так вот оно. Такова она, жизнь, Жучка. Нынче есть, а завтра нет...

Жучка, слушая ее, жалобно скулит.

Может, калитку тебе открыть, Красулю встречать пойдешь? Надоело, небось, каждый раз под забором-то пролезать, а? *(Гладит Жучку.)*

Голос Йоссеха *(с улицы)*. Э-эй, Ольгаги! Ольгаги! Есть кто дома аль нет?

Мать. Сейчас, сейчас я... Вот, проклятая, дверь-то подперла давеча, чтоб свиной потом по всей деревне не искать... Сейчас, сейчас открою. *(Исчезает за домом и через некоторое время возвращается с высоким мужчиной лет сорока, что-то в его внешнем виде напоминает прокаженного.)*

Йоссех. Вот, Ольгаги, значит, продал я яблоки по сорок копеек, стою жду, чтоб яйца продать. Подошла одна, расфуфыренная вся, спрашивает: почему? Рубль, говорю. Повернулась к шляпе своему бородатому и говорит: рупь. Тот, в шляпе-то, посмотрел на меня, точно мышь на крупу, и говорит: девяносто. Шалишь, говорю, пусть тебе твоя курочка по девяносто несет. А она выпятила губы, как сковородник, и говорит: пошли, Ондрюшка. То-то, говорю, тебе бы голову свою, южку-вьюжку, в сумочке твоей дамской носить надо. А он: гражданин, я сейчас милиционера позову. А-а, говорю, Юрку-то этого, как его, черт бы его побрал, Василича из Орабакасов? Я его, говорю, знать не знаю и знать не хочу. Правда, пару деньков назад раздавили мы с ним три пузыря красного на двоих, так твой милиционер как пень свалился... Послушайте, гражданин, говорит мне шляпа, да вы соображаете, что говорите? Ты сам, видать, не знаешь, говорю, чем порох пахнет. А баба-то евонная: Ондрюшка, да что ты с алкашом этим время тратишь? Да все по-русски, по-русски, по-городскому... Это я-то алкаш, говорю ей, да ты сама алкашка, яйца вон бесплатно хочешь. Ты, говорю, своих кур заставь бесплатно яйца нести, мой-то, говорю, еще при социализме развитом трудятся. Потом, когда они убралась восвояси, вижу: Дина, бабенка Юри

Михалча, идет. Ну та, что в поселке заводском живет. Как всегда навеселе, конечно, руками размахивает, словно ветряк. Увидела меня и сразу: здорово, Йоссах! Ты че тут делаешь, говорю ей. Йоссах, говорит, коли есть, дай, пожалуйста, грамм сто. Вот, говорю, будет, ежели продать. Сколько, спрашивает. Три десятка, говорю. Счас, говорит, и — вжик за столовую с моими тремя десятками яиц! Эй ты, говорю, побыстрее только. У столовой подожди, кричит. Тоже мне городская, думаю про себя. Ну, уселся на ступеньке у входа, сижу жду — нет и нет. Смотрю: Колька Муравей идет с Мишкой Синицыным. Мишка, говорит Муравьев, одолжи пятерку, а? Через четыре дня получка, так сразу и верну. Мне денег не жалко, говорит ему Синица, но какая тебе польза оттого, что выпьешь лишний раз? Ну душа горит, жалуется Муравей. *(Вдруг замолкает, затем неожиданно печально, без всякой бравады.)* Ольгаги, у меня у самого душа синим пламенем горит. Если есть, дай немного, а? Я тебе и яблочек принесу, и яиц. И деньгами могу заплатить, коли хочешь.

Мать. Эх, Йоссах!

Йоссах. Ну немножечко, а? Ну не могу я...

Мать. Только бражка у меня.

Йоссах. Да хоть бражку, Ольгаги. Ах, спасибо тебе...

Мать. Подожди здесь, сейчас принесу. А то там вроде Валя.

Йоссах. Ольгаги, яблоки эти собрать?

Мать. Сама соберу. Посиди лучше, отдохни. Набегался, небось, за целый день. Я вон ничего не делаю, все равно устаю.

Когда Мать уходит, Йоссах поднимает с земли два яблока и внимательно всматривается в них. Одно яблоко большое-большое, но зеленое-зеленое, другое, наоборот, — красное-красное, но маленькое-маленькое, и к тому же, кажется, оно все зачервивело.

Йоссах *(с яблоками в руках)*.

Для того, чтобы плодоносить,

Яблоням нужно

Сначала расцвести белым цветом,

Вынести зиму,

А летом

Они сникнут,

Тихими вечерами станут

Сладко подремывать,
Чтобы однажды на белом рассвете,
Испив холодной росы,
Испустить последний вздох
В ожидании яркого солнечного дня.
А потом вместе с приходом осени
Опять начинаются мученья,
Наступают красивые холодные дни.
И ветви их снова оголяются,
И снова — ни одного, даже —
самого маленького плода.
И желтые листья превращаются
в мертвенно-белые
Или же в черные-черные,
словно в ночь или в смерть.
Не плачьте, не плачьте, яблони!
Ведь иногда и холодный ливень
С мольбою, со слезами, с криком
Просится в дом...

(Глядя куда-то вдаль, словно в бесконечность.)

Лес дремучий, лес дремучий,
Почему ты так шумишь?
Почему в деревне темной
Душу страхом ты томишь?

Входит Марине с ведерком, полным ежевики.

Ну-с, друг-с, Марине, как поживаешь? Небось, как Нарспи, вся в счастье купаешься? Ну-с, друг-с, Марине, привет. *(Протягивает ей руку.)* Что это с тобой, или волк тебе повстречался? Или дядюшка Йоссах волка пострашнее, а? Волки они, Марине, разные бывают. У одного — лапы, у другого — ноги. У кого — четыре, у кого — две. Бывают серые волки, бывают бесцветные. Бывают лопухие и с ушками на макушке. Бывают в очках и без очков. Те, что в очках, пострашнее, они умные и нахальные. Ежели кто без очков спивается, на него никто никакого внимания не обращает, словно он для этого и рожден. А ежели кто в очках спивается да в шляпе, так все дружно ругают его. Будто ум заключен в очках, а? Ежели ты зрячий и без очков все очень хорошо

видишь, то ты, по правде говоря, дурак дураком. Умные никогда ничего не видят, ничего не слышат... Вот и ты, Марине, вырастешь, в город уедешь, человеком станешь, а дядюшка Йоссах по-прежнему будет пить без разбору. Конечно, и ему не всегда хочется пить, но он, дурак, назло вот этому своему нехотенью будет напиваться. Вот так-то оно, друг мой Марине. А потом говорят: кто он Йоссах? Йоссах, говорят, пьяница. И выпить с ним значит дело негодное. Вот ежели с Мишкой Синицей пьешь, то, значит, хороший ты человек, потому как, видишь ли, ветеринар он. А со мной выпить — так, значит, сразу пьяница, алкаш. Словно и не человек вовсе Йоссах, а бутылка пол-литровая. Потому что никакой не ветеринар Йоссах, не агроном и даже не бригадир. Пьянь рваная. А может, ни грамма не хочется пить Йоссаху, знает об этом кто, а? Может, оттого пьет Йоссах, что душа у него болит невыносимо? Может, от угара жизни хочет он опохмелиться?

Возвращается Мать, в руках у нее ковшик. С жалостью и состраданием, но без удивления смотрит на плачущего Йоссеха. Не сдержавшись, начинает горько плакать.

Пускай, пускай пьянь рваная Йоссах, зато душа у него чистая. Да один ли Йоссах пьет? Все пьют. Кто спивается, кто объедается. Кто — за свой счет, кто — за чужой. А кто и за счет государства. Говорят, государство у нас богатое, у государства на всех хватит. Но я до сих пор никогда ни у кого копейки не брал. У государства тоже не брал. Беру лишь то, что честно, горбом своим зарабатываю. Что зарабатываю, то и пропиваю. Кому какое дело, что Йоссах пьет? Йоссах он и работать, и пить умеет. И отец у меня и работал, и пил. И дед тоже. Чувашское застолье — оно всегда как кузница кипело. Вот так вот. Пить будем — не помрем.

Мать. На, Йоссах. Не крепкая, правда. Не настоялась еще.

Йоссах вмг выпивает содержимое ковша.

Йоссах. Ольгаги, не слыхала, говорят, неподалеку от нашего села, в поле за оврагом, пивзавод хотят построить.

Мать. Когда строить-то будут?

Йоссах. Говорят, через пару лет запустить должны.

Мать. А кто же тогда в колхозе работать будет?

Йоссех. Нет, Ольгаги, алкоголь он только помогает крестьянину всякий труд неблагодарный исполнять. Вот нынче утром я вместе с Вассой на сенокос хотел пойти, но погнал корову — и Петровича, Михала, встретил. Так ведь он ни за что не дал мне пройти мимо своего дома, пока я сто граммов не выпил. Ну а где сто, там и двести. А когда двести.. Пей не пей — башка все равно точно соломой набита. А ведь говорил я Вассе поутру: давай, говорю, пару бутылок туда, на луга, возьмем, отдохнуть малость, когда устанем. А она мне: у тебя одно на уме, горло твое бездонное, шланг резиновый! Ну я ей тогда говорю: ладно, Васса, если не две, так хоть одну. А она свое: у других мужья как мужья, а ты — пугало огородное. Я так и взорвался: это я-то пугало? Ежели не ты, кто ж тогда, Васили, что ли, говорит. Васили, конечно, парень неплохой, говорю, но неужто я такой уж плохой? Не то что плохой, а просто безобразный, смотреть на тебя тошно, кричит мне Васса. Эх, Васса, говорю ей тогда, я ведь никого не любил так сильно, как тебя люблю, не зря же я тебя в жены взял. Это ты-то любишь, взвилась она еще пуще, да ты, говорит, только бутылку свою любишь. Васса, говорю я ей тогда, хочешь, пить брошу, вот прямо сейчас, и с сегодняшнего дня ни грамма больше? Она вдруг замолчала как-то, сникла вся, опешила, видать, и говорит: ты что, Йоссех, с ума сошел? Васса, продолжаю свое, ежели я тебе надоел и давно уже меня не любишь, я, говорю, могу, это самое, и из дому уйти, не буду, не буду мешать вам, а, Васса? Она постояла, помолчала и бегом от меня: с тобой, Йоссех, от машины отстану!..

Мать. И вправду, Йоссех, поменьше бы тебе пить. Ей же тебя жалко...

Йоссех. Знаешь ведь, Ольгаги, и без Вассы девок у меня полно было, вся деревня замуж за меня хотела, а она меня за последнего человека принимает. А я, если потребуется, все своими руками могу, и не только сено косить. Вот так вот... Сколько раз в военкомат ходил, чтоб во Вьетнам отправили — солидарность свою проявить, а мне там говорят: не положено. Как так не положено, говорю им, когда у меня отец в Испании воевал, тоже не положено было, а он, говорю, медаль завоевал. А они, пни в погонах, не положено, говорят — и баста. Почему не положено, спрашиваю, а они

мне в ответ: потому не положено. Вот так-то вот: не положено, и баста. А что положено? Ничего не положено...

Где-то рядом невыносимо жутко каркает Ворона. На улице мычат коровы. Прибегает Жучка, увидев Йоссеха, начинает лаять.

Собака — друг человека. А ты, Жучка, за друга меня не признаешь. Лаешься, укусить хочешь. Шпана залезла за яблоками в учительский сад, да? Да, Жучка, да, ты, должно быть, умная собака, раз в учительском доме живешь. Ты у нас — собака сельской интеллигенции. Ну-ну, потише ты, потише... Вообще, это плохая привычка — лаять. Особенно на своего друга. Или на себе подобную собачонку. СССРверные у нас СССР тобой имена, ЖучКККа: ты — собаКККа, я человеККК, ЙоС-ССеXXX. СССРсобачья у нас СССР тобой СССРудьба. СССРе ля ви. Пардон...

Жучка перестает лаять, уходит во двор, через некоторое время возвращается вместе с Лидой.

Лида. А где Радик, аби?

Мать. В саду, наверно. Марине, где Радик?

Марине. За бабочками побежал.

Лида. А для чего ему бабочки?

Марине. Мне подарит. А я для него собрала целое ведерко ежевики. Радик сказал, что из нее мы приготовим детское вино. *(Заметив бегущего вдалеке Радика.)* Э-эй, ку-ку! Быстрее-ей! Ох и попадет тебе!

Радик *(поет. Не переставая петь, подбегает к матери)*.

Почему я тебя полюбила,

Почему я ходила с тобой?

Почему тихими летними вечейами

Я тебя пйовожала с любовью?

Мама, ты не будешь меня бить?

Лида. За что же мне тебя бить, ты ведь у меня хороший мальчик. Послушный.

Радик. Мама, мне пйиснился сон, стйашный-стйашный.

Мать. Какой еще сон? Днем все сны на луне хоронятся, на землю только ночью спускаются.

Радик. А мне и снилась ночь. Во сне я всегда вижу ночь. Даже если днем. Осень как будто настала везде, и только в нашем саду — весна. Какая-то весенняя зима. На ветках вместо

снега — цветы. Шепчутся о чем-то. А один цветочек пъямо у меня на глазах заалел вдйуг и голосом девчоночьим говойит: Йадик, ты мой бйат, ты должен будешь меня защищать. Я тогда спйосил у него: а ты любить меня будешь? Цветок говойит мне: ты ведь дяди Яшину Нину любишь. И улыбнулся какой-то стйанной улыбкой, попйощался со мной и исчез. А тут дйугой цветочек заговайивает со мной: Йадик, говойит, отчего это летними вечейами так тихо вокйуг? Я так удивился, стою, смотйу, даже йот йаскйыл. И вдйуг этот цветочек у меня на глазах пйевйатился в Нину дяди Яшину, и я спйосил: ты Нина? Нет, отвечает, я всего лишь цветочек. Но почему тогда ты так похож на Нину, спйашиваю. Потому что я Нина, отвечает цветок... Потом вдйуг яблонька вся задйожала, как в судойоге, дйожала-дйожала и так же внезапно исчезла. Тихо и пустынно стало вокйуг. Буйенки мычат где-то поблизости. И откуда-то с небес доносится мяуканье котенка. Я от стйаха стою как вкопанный. Хочу сделать шаг назад — нога не поднимается, не могу отойвать ее от земли. Что-то тяжелое-тяжелое тянет меня вниз, в землю... Эй, отпусти, кйичу я в стйахе. Э-э, детка, от отца своего хочешь убежать, говойит мне голос из-под земли. Голос земли. Ты — земля, говойю, я не твой сын. Чей же тогда ты сын, если не земли, говойит мне хйиплый голос из-под земли. Я сын учителя, говойу я ему. Э-э, говойит он, учитель тоже от земли, все мы от земли... Смолкла земля на минуту, а потом вдйуг с сочувствием говойит: Йадик, ты только дома никому не йасказывай, ладно, я тебе одну вещь скажу. Ладно, говойю, не скажу. Йадик, не плачь, а йадуйся — это твой отец говойит с тобой. Отец у меня учитель, кйичу я ему. А голос мне говойит: я твой отец... Ничего не понимаю. А он пйодождает: я это, я, земля — твой отец... Смотйу на ежевику вдоль плетня и вижу: повсюду вместо ягодок глаза, глаза папы. С пйишуйом, хитйоватые. И живые-живые, глубокие-глубокие. И все молят меня: сойви да сойви. Нет, говойу я. Тогда песню спой, говойят. А что петь-то, спйашиваю. Пйю любовь спой, говойят. Какую, спйашиваю. Ту, что мама поет, говойят. Если не будешь петь, то мы сами в йот тебе залезем. И тогда я запел. Пой, пой, говойят мне глаза-ягоды, до самого дома пой, если пейестанешь, мы догоним тебя и в йот залезем. И я пою... Анне, мама, мне стйашно! Вон, вон, чейнильно-си-

няя бабочка! Вон, вон! Не видишь, Майине, вон, вон, в моих глазах синяя-синяя, чейнильно-синяя бабочка! Одна, две, тьи!.. Вон еще одна, лови, Майине, лови! Вон еще одна — в тех дейсвьянных глазах! (*Показывает на глаза Йоссе-ха.*) Лови, лови, Майине! И бабочки не хотят, чтобы их ловили. И бабочки по жизни плачут. И бабочки жаждут любви... И Жучка вся в бабочках, видите? Эй, Жучка, что ты вся в бабочках, Жучка? (*Жучка ластится к Радикю.*) Жучка, спйоси, пожалуйста, у Майине, не хочет ли она в бабочек поигйать? Ну, Жучка, айда! Ай-да! Я — бабочка! (*Подбегает к Марине, нежно касается ее спины, затем взбирается на ябло-ню; с шумом падают яблоки.*) Чуй меня, чуй, нельзя здесь меня ловить! Ну-ка, Жучка, пййгни йязочек, коли хочется тебе какао!..

Лида. А ну-ка быстро слезай! Я тебе покажу бабочек!

Мать. Да пусть резвится, сноха. Пройдет это. Просто от жары это у него.

Ворона каркает взхлеб.

Йоссех. Вот так вот оно. Да, таков он, этот мир. Дни разные, а сумерки всегда одни. Никому не надо говорить: не сумасбродствуй, это просто глупо говорить такое. Сумасбродствующему всегда надо говорить: давай! давай-давай! Еще больше сходи с ума! Пусть он заплутается вконец и пропадет пропадом, раз охота ему сумасбродствовать: ведь только так он сможет заново родиться. Новым взглядом посмотреть на мир. И только таким образом в игре пламени увидит тление углей, в сухости воздуха ощутит влагу, в горсти земли увидит небо. Вечен этот мир, и вечно он таков. И ничего в нем не меняется.

Марине вдруг начинает громко рыдать.

Мать. Марине, ты опять плачешь?

Лида. А ну перестань, кому говорю! Мало один дурачит-ся, так ты еще заревела!.. Я вот покажу вам как кривляться!.. (*Про себя.*) А чего еще ждять от этой выжившей из ума старухи? Ничему хорошему она их не научит!

Мать. Ах, сноха моя, не ругай ты их, детишек малых, они ведь ничегошеньки не знают. Жизнь для них, словно игрушка. Поиграли малость, надоело и бросили. Потом жизнь сама выпрямит их, они сами станут размалеванными игруш-

ками в ее руках. Все мы, люди, одинаковы: радуемся-радуемся и в слезы. И чем раньше приходит время плача, тем оно лучше.

Лида (*про себя*). Да чтоб еще раз я оставила детей с этой старухой! (*Матери.*) Аби, ты сварила что-нибудь? А то я никак не могла там на пастбище еду приготовить.

Мать. Валя там что-то готовила в летней кухне.

Лида. На Валю надеяться... Пусть она сначала бурду для свиней готовить научится.

Мать. Не говори так, сноха.

Жучка валяется в траве.

И Валя не без дела... Эх, Жучка, не зима ведь нынче, лето. Да что это такое со всеми происходит? Все шумите, шумите, как старая гармонь.

Йоссах. Ну, я пошел, Ольгаги. Ты приходи через полчаса, ладно? Пока Васса не пришла, отдам тебе то, что обещал. (*Уходит.*)

Лида. Что он в нашем саду шляется?! Опять сто грамм, пожалста, да?

Пауза.

Мать. Я помню его совсем ребенком. Маленьким-маленьким, чуть ли не грудным. Белобрысенький такой мальчонка, с голубыми глазами. Мы, значит, с матерью его, с Устинито, задами огородов к околице направились. Обе в слезах, за руку распрощались друг с дружкой. Устини, сказала я ей, может, не уедешь, останешься, а? Нет, Ольга, говорит она, надо ехать, уж прости ты меня, я должна еще одно слово тебе сказать, чтоб душу свою пред тобой и пред богом очистить. Теперь я все равно в Сибирь уезжаю, к дяде, больше мы с тобой никогда не увидимся, потому прошу у тебя прощения: прости меня, Ольга... Что ты мелешь, говорю, Устини, о чем ты, о каком прощении? Ольга, говорит она, ведь Йоссах-то мой не от Миккула, а от Ягура твоего. И пошла без оглядки. А я так и застыла у околицы, долго-долго стояла, пока глаза мои не перестали различать ее в бескрайней дали поля...

Лида. Аби, так Йоссах и Васили, выходит, братья?

Мать. Потом, лет через пятнадцать, узнали в деревне, что Устини померла. Где-то там же, в Сибири, далеко под Тю-

менью. После этого вскоре Йоссах приехал в деревню на лето, да тут и остался. Домишко дядя ему поставил. На трактор он сел. О матери — ни слова. И я молчу о том, как с матерью его когда-то распрощались. Сам-то он, небось, не помнит, маленький был. Да не только ему, никому ни слова не говорила. Тебе первой говорю. Ты, пожалуйста, никому не трезвонь, сноха, пусть между нами это останется. И тебе бы не сказала — душа устала. Надо, чтобы хоть один человек после моей смерти знал. Пусть Васили знает, Йоссах пусть знает, кто его отец.

Лида. Аби, а отец, Ягур, значит, изменял тебе?

Мать. Глазами своими не видела. Но он никогда и не любил меня. Как только вошла в его дом, так сразу и услышала, что у них с Устини что-то навроде любви было. Да ведь и то — вместе росли... Но я рассудила так: то, что в молодости было, в молодости и осталось. И то, что было до меня, меня почти не волновало. Мне хватало того, что он был мой, когда бывал рядом. Помню, на войну уходил с котомкой на плече, долго-долго глядел на меня мокрыми глазами и вдруг сказал: Ольга, схожу-ка я попрощаюсь с Устини... Котомку-то оставь, говорю ему. Нет, Ольга, говорит, я так хочу распрощаться с ней, с котомкой на плече... Ага, догадалась я, на смертное поле войны ты хочешь уйти из ее дома, чтоб в ее доме остался твой последний вздох. Но ни звука, ни слова вслух не издала... А Миккул-то, муж Устини, за три дня до этого на фронт ушел...

Лида. Аби, я, наверное, уйду отсюда... из вашего дома...

Мать. Куда?

Лида. Думаю, мне надо уйти из этого дома.

Мать. Уйти?

Лида. Чем сухари грызть, думая, что это тоже хлеб, уж как-нибудь вовсе без хлеба обойдусь. И без любви тоже.

Мать. Сноха, ты... о Вассе?

Лида. И ты знаешь, аби?

Мать. Васили как-то плакался...

Лида. Плакался? О чем?

Мать. О детях... И Йоссеха ему жалко.

Лида. Аби, а что же мне делать?

Мать. Детишек растить.

Лида. Я о Вассе, аби...

Мать. Силой не остановишь. Раз пришло время — значит, ничего не поделаешь.

Лида молчит.

Такой это зверь — душа. Ни силой, ни словами ее не уговоришь.

Лида. И все забывается, аби?

Мать. Не забывается, в прошлом остается.

Лида. Я больше не могу терпеть, аби! Я не позволю ей насмеяться надо мной!

Мать. Ты уже не юная, сноха моя, за тридцать перешагнула. Пора тебе понять: коли он разлюбил тебя, то в этом виновата ты сама. Значит, перестала ему нравиться. Не надо винить мужчин, они ведь точно малые дети, а детям все очень скоро надоедает.

Лида. Так ему тоже надоело?

Мать. Ты — мать, сноха.

Лида. Да я их... обоих... прямо на месте!.. Да чтоб еще увидела!..

Мать. А ты не смотри, если не хочешь видеть.

Лида. У меня душа на пределе, аби. Я как ни стараюсь для него, чтоб только ему хорошо было, лишь бы только он счастлив был. А я что, не человек? Не женщина? Что я, вишенка в саду?

Мать. Не принуждай судьбу, сноха моя. Ягодку всегда едят спелую, да только быстро она приедается.

Лида. Но ведь ягоду и сушат.

Мать. Сушат, затем — кипятят. Бросают в воду и кипятят.

Лида. И той водой углы в доме моют?

Мать. Два угла в доме: красный, в котором божий лик висит, и грязный, сор в котором.

Лида. Не обижайся, аби, но я не могу больше жить в этом доме. Одно то, что через плетень, в соседнем доме, Васса, мне не дает покоя. Вчера я нарочно, со злобы, топором обрубил все ветви ежевики по ту сторону плетня, чтобы ничего, ничего у нас с ними не было общего. Да я бы и плетень снесла, чтоб только ничего общего!

Мать. В древности чувашаи один плетень на все селение плели, веками — один плетень, а сейчас каждый старается отгородиться от других, и потому все в одиночку маются. Проходят те времена, когда все вместе работали, вместе пили,

любили вместе. Единую для всех изгородь, единого бога, человека единого любили... Вот так и портится человек: чем больше о себе думает, тем хуже становится.

Лида. Аби, сегодня утром я собрала вещи. Может, к вечеру удастся покинуть этот дом.

Мать. Куда, куда ты хочешь уйти?

Лида. Домой, аби, домой.

Мать. Здесь твой дом, общий у нас с тобой дом...

Лида. И я так думала все десять лет. Но, оказалось, не здесь. Не может мой дом стоять рядом с домом Вассы.

Мать. Куда ты уйдешь? К брату, у которого четверо детей? Да ведь там и без тебя ступить некуда. Сноха моя, ты — женщина, а жизнь на женщине держится.

Лида. Коли третий конец веревки обнаружился, и четвертый где-то там же должен быть. Не может быть у веревки три конца.

Мать. Смотря какая веревка, сноха.

Лида. Аби, ягода она и так сладка, без сахара. А то может засахариться.

Мать. Ягода бывает разная... В разное время спеет. И на вкус разная.

Лида. А разве жизнь и любовь всегда одно и то же?..

Мать. Одно ли, не одно ли...

Ворона жутко каркает где-то совсем рядом, стараясь из последних сил.

Жучка в беспокойстве катается по земле.

Входит Валя.

Валя. Аби!..

Мать (медленно, раздумчиво, печально). Что?

Валя. Аби!..

Мать. Что, Валя? Что случилось?

Валя. Аби!.. Случилось то, что должно было случиться...

Марине рыдает невыносимо горько.

Мать. Что?! Где?! Кто?! Валя. Василии...

Лида начинает горько плакать.

Мать. Ваа-аасии-ли-и-и!..

Действие второе

Тот же сад за домом. Из окна падает свет. Слышно, как в доме часы бьют полночь. Вместе с последним боем часов по саду вихрем проносится стая духов и ие — злых и добрых, белых, легких. Через некоторое время из дальнего конца сада, граничащего с полем и дугами, к дому приближается Призрак Васили — воплощение его умершей Души. Он крадется тихо, старательно обходя те места, куда падает свет. Подходит к темному окну и всматривается внутрь. Из того же дальнего конца сада показывается другой Призрак, тоже белый. Он подходит к другому окну и тоже начинает всматриваться в глубину дома. В лицах Призраков есть что-то общее. Второй Призрак очень похож на Призрак Васили, но только гораздо старше. Проходит некоторое время, и Призрак Васили внезапно замечает другой Призрак.

Призрак Васили (*твердо*). Ты кто?

Призрак Отца. Ты кто?

Призрак Васили. Кто ты?

Призрак Отца. Кто ты?

Призрак Васили. Что ты тут делаешь?

Призрак Отца. ... тут делаешь...

Призрак Васили. Уходи!

Призрак Отца. ... ходи...

Призрак Васили. Быстрей, быстрей!

Призрак Отца. ... ей-ей...

Призрак Васили. Я тебя!

Призрак Отца. ... тебя...

Призрак Васили. Скажи мне!

Призрак Отца. ... кажи мне...

Призрак Васили. У меня много дел!

Призрак Отца. ... бракодел...

Призрак Васили. Уходи!

Призрак Отца. ... и-и-и...

Призрак Васили. Убирайся!

Призрак Отца. ... айся...

Призрак Васили. Что?

Призрак Отца. ... о-о-о...

Призрак Васили. Ты!

Призрак Отца. ... ы-ы-ы...

Призрак Васили. А ну!

Призрак Отца. ... у-у-у...

Призрак Васили. Тогда я уйду!

Призрак Отца. ... пойду...

Вдруг начинает лаять Жучка, отчего оба Призрака испуганно переглядываются, цепenea на миг. Призрак Отца пытается бежать без оглядки.

Призрак Васили. Стой!

Призрак Отца. ...й-й-й...

Призрак Васили. Не бойся!

Призрак Отца. ...а-а-а...

Призрак Васили. Это — Жучка.

Призрак Отца. ...а-а-а...

Призрак Васили. Дом на замке.

Призрак Отца. ...э-э-э...

Призрак Васили. Эй, Жучок! *(Жучка вроде бы слышит Призрака Васили, но не видит его и потому ищет кругом, бесцельно сверкая глазами.)* Жучка, ну поди сюда! *(Жучка как-то тупо приближается к нему.)* Ну-ка, Жучок, дай лапу! Вот так... *(Жучка, так и не видя Призрака Васили, начинает трясти лапой, но лапу ее никто не берет в руки, и потому она начинает кусать свою лапу, крутясь на месте. Потом вдруг снова отчаянно лает. В единственном светящемся окне гаснет свет, и через несколько секунд слышится звук открывающейся и закрывающейся двери в сенях. Призрак Отца тотчас замирает. Призрак Васили виновато приглаживает волосы, прихорашивается. Это — Мать.)*

Призрак Отца. ...а?...

Открывается дверь в сад. Жучка стремглав бросается к двери, начинает скулить. Неторопливо появляется Мать.

Мать. Пройдет, пройдет, Жучка...

К ней тотчас подбегает Призрак Отца и обнимает ее за шею.

Ох, как тяжело! Дышать трудно. Близок, близок час смертный... Недолго осталось... И дышать, оказывается, бывает тяжело, и дыхание — труд. Нескончаемый, до самой смерти труд...

Призрак Васили. Аби!

Мать. Глаза как не свои. Уши не свои. Все смешалось, ум за разум зашел. Ничего не хочу видеть, всех хочу обнять.

Призрак Васили. Эй ты, не трожь ее!

Призрак Отца. Отойди!

Призрак Васили. Эй ты, подлец, а ну-ка смойся!

Призрак Отца. Я пришел.

Призрак Васили. Пришел?

Призрак Отца. Домой.

Призрак Васили. Ой-ой!

Призрак Отца. На родину.

Призрак Васили. Лыдину.

Мать. Клин журавлиный.

Призрак Отца. А путь долгий.

Призрак Васили. Долгий?

Призрак Отца. Холод. И жизнь. И душа. Ветер.

Призрак Васили. Ветры разные бывают. Ветры воздушные, ветры земли, ветры воды.

Призрак Отца. Ветры души.

Призрак Васили. Ветер — это всегда какие-то изменения в атмосферных слоях, поэтому он дует.

Призрак Отца. Воеет.

Призрак Васили. Если б не было ветра, и мельница не молола бы. Не водяная мельница, разумеется.

Призрак Отца. Западный ветер дует на восток, изредка — на юг, и лишь совсем иногда — на север. Вихрем веет. Страшен и чудовищен ветер западный. Душа стынет. Веру колеблет.

Призрак Васили. Флюгер — это такое устройство, которым определяется направление ветра. Флюгер в школьном саду, к примеру. Или же на метеостанции. Сегодня я вам, ребята, расскажу о цвете флюгера, а на следующем уроке, в день крови — в среду, о пользе и вреде его. Флюгер обычно бывает того цвета, в какой его окрашивают.

Призрак Отца. Уходя из дому, мне казалось, что дом без меня опустеет. Более того, у меня было такое чувство, будто я нагишом остался. Без дома. И без нутра своего. И без тепла душевного, без очага души. Все как бы стало общим. До сих пор я никогда не плакал от тоски по белому свету. Оттого, наверное, что меня всегда манила чистота. По правде говоря, и в грязном пространстве встречаются иногда белые, по-чувашски чистые площади. И когда я взял в руки оружие, почудилось мне, будто собственными руками отрезал я себе голову и выбросил ее сразу на трех улицах.

Призрак Васили. Как правило, флюгер устанавливается на длинном столбе, на самом его конце. Столб может качаться на ветру, в таком случае директор школы бежит в мастерскую, к Гури Степанчу... Иванов, перестань! К Гури Степанчу, я сказал. Кузнецов, кол. Кстати, у тебя одна из самых распространенных в нашем регионе русских фамилий,

двоечник. Вот так-то вот, ребятки. А ну-ка быстро к доске все! Откройте глаза! Не храпеть! Хватит спать, чувашлята! Просыпаться пора, ребята! Не вертись ты, флюгер! Не дуй, ветер! Да, ветер...

Призрак Отца. Нас окружили. Сжали в кольцо. Майн. Кампф. Хайль! Руки — вверх. Голову — вниз. Овчарки вокруг — гав-гав! Крышка. Все. Обессиленный. Ослепший. Осипший. Пепел. И — зола. Вечерами. Днями. По утрам. По вечерам. Запах. Человеческий запах. Воздух глазаст. Умирай! Сдохни! Да сдох бы! О-о, не-ет! Сдери сначала шкуру свою. Выдери волосы свои. Вырви язык. А если не хочешь или не можешь — сами вырвут. В теле твоём ищут источник силы и мужества человека, словно крупицу золота в песке. Удивляются: откуда, как? Ты — молчишь. Когда молчишь, легче терпеть. Сжимаешь зубы — и ни слова. И мысли твои молчат. И глаза. И чувства. Ты — один. Нет-нет, груды костей вокруг тебя, руки и ноги, пальцы и головы, позвонки; волосы дыбом встают, и запах вокруг, запах горящего человеческого тела. Люди — вокруг, люди, никогда не думавшие, что им суждено когда-нибудь встретиться. И ты — человек, и ты так же думал. Думал, что все пройдет, как свет звезды. Но нет, это не свет звезды, оказывается. Нет света, нет и звезд. Все в одном слове, в одном зловещем звоне, в одной комке страха и ужаса — фашизм. И — концлагерь. Концлагерь — мир. Мир — концлагерь. И прошлое, и будущее этого мира. И никто не сможет удалиться в другой мир. Там о смерти не думаешь. Там вообще ни о чем не думаешь. И голод не всегда мучителен, лишь в редкие минуты. Но более всего там думаешь о чистом свежем белье...

Призрак Васили. Западный ветер приносит к нам с Атлантики теплую влагу, и вместе с ней на нашу землю приходит тихий теплый дождь, дождь хлеба и калача...

Призрак Отца. Ты кто? — Я-то? Ну, я. — Нет, душа твоя? — А-а, нет, нет, не подлец я. Я Родину не предавал. Для меня нет ничего дороже Родины. Я сам издалека, чувашская у меня душа. — Нет, я про другую твою душу спрашиваю. — Но у меня одна душа. Од-на. — А чего ты больше всего хочешь? Вот сейчас, к примеру? — Сейчас? Если честно, как бы это сказать-то, сны смотрю, что ли, о чистом белье. Да-да, именно об этом. — И только белье тебе снится? — Да нет же, вовсе

не белье мне снится, а жена да детки любимые, Валя с Васили. И еще Устини. — А кто это Устини? — Устини-то? Да как сказать: жена не жена, любимая не любимая. — Любовница, что ли? — Да нет, не любовница, а фаворитка она моя. — Какая разница, фаворитка или любовница. — О нет, суть-то одна, конечно, а вот разница существенная. — И кого же ты больше любишь? — Кого? Да я всех их люблю. — Значит, любовью полнится душа твоя? — Да, любовью. — Молодец, Ягур, молодец, Василич. — А ты-то сам кто будешь, что-то не узнал я тебя, спрашиваю я у того вопрошающего голоса, едва слышимого из-под казармы. А все вокруг спят. Или вот как я дремлют. Словно вымерли. Ни звука. А ты-то сам кто будешь, еще раз спрашиваю я. — Я-то? Я совесть твоя, говорит мне полночный писк, на мозоль похожий...

Со стуком падает на землю яблоко.

Мать. Да пусть падает. Ведь осень уже: Спас скоро. И наступит время собирать яблоки.

Мать говорит сама с собой, не замечая, не чувствуя Призраков, но они думают, что она говорит с ними, и потому пытаются следовать ее логике.

Призрак Отца. Ольга! Ольга! Это ты, твой голос. Это ты всегда так говорила в Спас. Ольга!

Мать. Что это со мной, сумбур какой-то в голове? Чем прогневила тебя, господи?

Призрак Васили. Аби, аби!..

Мать. Голоса какие-то... Никак не могу поверить, что его больше нет. Не могу. Только вот был — и нет, похоронили беднягу. И теперь его больше нет. И не будет. Не могу поверить в это, нет, нет. И отца вот так вот проводила, а оказалось — в пустоту. Получила пару писем поначалу, а потом — долгое-долгое молчание. Ни весточки. И лишь позже сообщили: пропал без вести. Где, каким образом — ни слова. Ничего не известно. Словно иголка, брошенная в стог сена. Знаю, в этом же мире где-то, а где — попробуй разыщи.

Призрак Васили. Аби!.. Я жив!.. Это я, аби. Ты разве не слышишь меня, аби? Не видишь разве? Вот я. Я жив. Я по-другому жив, аби. Жив я!

Мать. Чей это голос? Васили, души твоей?

Призрак Васили. Это мой голос, аби.

И Мать. Твой? (И вдруг начинает казаться, что Мать слышит, видит, понимает его. Она словно готова перешагнуть рубеж иного мира.) И вправду это ты, Васили? Ты в самом деле жив? (Она видит их обоих, но все же недопонимает всего. Обнимает Васили. Потом долго, с удивлением рассматривает Призрак Отца.) Откуда ты его привел, Васили?

Призрак Васили. Кого?

Мать. Вот этого.

Призрак Васили. А кто он такой?

Мать (Призраку Отца). Эй, кто ты такой?

Призрак Васили. Эй, кто ты такой, что молчишь?

Призрак Отца (подходит к Матери, становится на колени, со слезами на глазах начинает просить прощения). Эх, Ольга, Ольга... Прости меня, Ольга... Вина моя пред тобою тяжка... Прости меня, согрей меня, холодно мне...

Мать. Где ты ходил до сих пор?

Призрак Отца. Прости, Ольга. Я всегда помнил о тебе. Я жил воспоминаниями о тебе.

Мать. Зачем вернулся?

Призрак Отца. Судьба вернула.

Мать. Судьба? Судьба, говоришь? А сам ты не хотел? Бесовестный!

Призрак Васили. Аби, не разговаривай с ним. Он — доцент. С кафедры общественных наук. Не разговаривай с ним, аби. Не смотри на него. Он — атеист.

Мать. Васили, ты знаешь, кто он такой?

Призрак Васили. Я — страж, аби. Я страж нашего деревенского мазара. Кого хочу, того и пускаю. А кому хочется уходить, пускай уходит этой ночью, я разрешаю. Этой ночью я настезь распахнул врата. Этой ночью все свободны.

Мать. Ты страж?

Призрак Васили. Да.

Мать. Васили, пошли домой. Есть хочешь?

Призрак Васили. После смерти не едят, аби. К тому же там, в доме, есть призрак Вассы.

Мать. Не говори глупостей.

Призрак Васили. Это правда. Я Вассу любил, аби.

Мать. А жену, Лиду, не любил разве?

Призрак Васили. Нет, только обнимал. А любил Вассу.

Мать. Где ты, Васили?

Призрак Васили. Я здесь, пред тобой.

Мать. А кто это за тобой?

Призрак Васили. Это мои глаза.

Мать. Взгляни-ка на того негодяя, Васили: кто он такой?

Призрак Васили. Доцент. С кафедры общественных наук.

Мать. Он — твой отец. Пропавший без вести отец.

Призрак Васили. Эй, ты действительно мой отец, что ли?

Мать. Ягур, не отрекайся.

Призрак Отца. Я не отрекаюсь. Да, я твой отец.

Призрак Васили. Кто?

Призрак Отца. Мистер Рейн Адамс.

Призрак Васили. Кто-кто?

Призрак Отца. Мистер Рейн Адамс. Рейн Адамс.

Призрак Васили. Что ты делаешь в нашем саду?

Призрак Отца. Не бойся, я никогда не служил ни в НКВД, ни в каких-либо других органах. Пойми, я твой отец.

Призрак Васили. Мой отец не может быть мистером. Мой отец должен быть товарищем.

Призрак Отца. Твой отец с 47-го года мистер Рейн Адамс. С 47-го года.

Призрак Васили. Значит, с 47-го года ты мне уже не отец.

Призрак Отца. Но почему?

Призрак Васили. Потому что с 47-го года ты — мистер.

Призрак Отца. Но и мистер может быть отцом...

Призрак Васили. Ну и пусть.

Призрак Отца. А ты неужто не можешь называть меня отцом?

Призрак Васили. Немедленно уходи из нашего сада!

Призрак Отца. Сэр, мистер Рейн Адамс просит у вас прощения. Ай эм сорри.

Призрак Васили. Уходи! Уходи к себе домой!

Призрак Отца. Ай эм эт хо-ум.

Призрак Васили. Доцент. С кафедры общественных наук...

Призрак Отца. Ноу-ноу. С общественных наук — тем паче ноу.

Призрак Васили. Цыпленок!

Призрак Отца. Ошибаетесь. *(Словно бы представляясь.)*

Исполняющий обязанности представителя корпорации «Бруклер энд Пи» мистер Рейн Адамс. Исполняющий обязанности представителя корпорации «Бруклер энд Пи» мистер Рейн Адамс. Исполняющий обязанности представителя корпорации «Бруклер энд Пи» мистер Рейн Адамс.

Призрак Васи́ли. Дурак.

Призрак Отца. Фулишнэсс.

Призрак Васи́ли. Что-что?

Призрак Отца. Я не о тебе. Вообще, все — фулишнэсс.

Призрак Васи́ли. Скажи-ка честно, ты действительно мой отец?

Призрак Отца. Богом клянусь.

Призрак Васи́ли. В Бога не веруем.

Призрак Отца. В кого же тогда веруете?

Призрак Васи́ли. До сих пор, кроме будущего, ни во что не верили. Теперь вот верую в смерть, в ее силу и бессилие.

Призрак Отца. Жаль.

Призрак Васи́ли. Некому было учить нас вере.

Призрак Отца. Может, тогда ты научился шляться по барам и кафе?

Призрак Васи́ли. Отец, я никогда никуда дальше Чебоксар не ездил. А то, что в Праге в 68-м кашу ел, это не в счет. Это не по своей воле.

Призрак Отца. О-о, ай эм сорри! Я немножко забываюсь.

Призрак Васи́ли. За что ты борешься, отец?

Призрак Отца. За то, чтобы голодать.

Призрак Васи́ли. Долго нельзя. Самое большее — сорок дней.

Призрак Отца. Самое меньшее — сорок дней.

Призрак Васи́ли. Ты откуда сейчас, отец?

Призрак Отца. Из Австралии.

Призрак Васи́ли. До сегодняшнего дня ты хоть раз видел меня, отец?

Призрак Отца. Видел, на фронте. Потом в лагере постоянно видел.

Призрак Васи́ли. Не ври, я никогда не был ни на фронте, ни в лагере, даже в пионерском.

Призрак Отца. В моих снах ты всегда был со мной.

Призрак Васили. Отец, ты и вправду мне отец?

Призрак Отца. Разумеется, я твой отец, а ты мой сын.

Призрак Васили. Я не могу поверить в это! Ведь у меня всю жизнь не было отца.

Призрак Отца. Я всегда был. Я всегда думал о тебе.

Призрак Васили. Но почему ты решил вернуться через сорок лет? — твой отец.

Призрак Отца. Увидеть. Увидеть своими глазами.

Призрак Васили. Кого? Что?

Призрак Отца. Тебя. Валю. Мать. Родничок за садом. Плетень. Ежевику вдоль него...

Призрак Васили. Зачем тебе видеть все это? Меня, аби?.. Родничок за садом, плетень, ежевику?..

Призрак Отца. Просто так, мой сын, безо всякого смысла. Просто захотелось увидеть.

Призрак Васили. Отец, а какое у тебя самое любимое растение?

Призрак Отца. Почему ты об этом спрашиваешь?

Призрак Васили. По привычке, я ведь учитель биологии.

Призрак Отца. Ну, тогда отвечу: ежевика. Не та, что растет отдельными кустами, а которая тянется вдоль плетня...

Призрак Васили. А ведь ежевика колетя...

Призрак Отца. Все равно.

Призрак Васили. Отец, я никогда не могу поверить, что ты мистер. Ты не похож на империалиста. Ты не страшен.

Призрак Отца. Я никогда не надевал шляпу. (Пауза.) Что ты оставил после себя на земле, сынок?

Призрак Васили. Каменный дом. Сразу же после института пришла мне эта мысль о доме. С помощью сестры за три года отстроили. Закончили ровно за три дня до моей смерти, как раз было время сенокоса.

Призрак Отца. Так тебе жить да жить надо было.

Призрак Васили. Надоело.

Призрак Отца. Жить?

Призрак Васили. Строиться.

Призрак Отца. Что ж тогда строился-то?

Призрак Васили. Все строятся.

Призрак Отца. А зачем?
Призрак Васили. Потому что разрушать тоже надоедает.

Призрак Отца. И ты тоже разрушал?

Призрак Васили. Да, я разрушал мир.

Призрак Отца. Весь этот мир?

Призрак Васили. Нет, не весь. Свой мир.

Призрак Отца. А что это такое — твой мир?

Призрак Васили. Мой мир — это мой дом.

Призрак Отца. Баловник ты, однако.

Призрак Васили. Не я один, все.

Призрак Отца. В этом ты прав — все... Но особенно — я.

Призрак Васили. Ты?

Призрак Отца. Да, я. В лагере познакомился с Салли. Каким-то чудом она высвободила меня из лагеря. Отправились в Германию. Отправили, точнее сказать. Потом — свои, советские. Я радуюсь, от всего сердца радуюсь, а Салли рыдает: тебя там уничтожат, расстреляют. И я плачу. Дни и ночи думаю: а может, и вправду расстреляют? Боюсь, страшно. Салли говорит: давай в Австралию уедем, Ягуар, я тебя люблю. Айда, говорю. Ладно хоть американская эта зона, говорит Салли. Я молчу. Ягуар, радуйся, говорит Салли, хорошо ведь, что американцы оккупировали этот район? Или ты не рад? Рад, рад, говорю я и, не сдержавшись, начинаю громко плакать. Долго-долго смотрит на меня Салли и говорит: не плачь, Ягуар, почему ты плачешь? Потому, говорю, потому, что все пропало, пропади оно пропадом! Все-все! Душа у самого словно заарканенная, сердце стреноженное. Вот такая вот она штуковина, жизнь. Хороша земля Австралия...

Призрак Васили. А домой не хотелось, отец?

Призрак Отца. Моим домом был дом Салли.

Призрак Васили. А кто она такая?

Призрак Отца. Немка.

Призрак Васили. И ты ее любил?

Призрак Отца. Наверное, любил.

Призрак Васили. Ах ты, подлец! Я от всего сердца ненавидел немцев, считая, что они уничтожили отца. И потому на уроках немецкого нарочно получал двойки.

Призрак Отца. Женщина она всегда, при любых обсто-

ательствах в первую очередь для мужчины женщина. Какой бы национальности ни была. Твоя женщина — это ты сам.

Молчание. Скулит Жучка, ластясь к Матери. Мать гладит ее.

Мать. Чистая, чистая ты душа, Жучка.

Призрак Отца. Женщина она, сынок, собачонка, маленькая-маленькая собачонка, как твоя собственная душа.

Мать. Сам-то ты кто, Ягур, чтоб такое говорить?

Призрак Отца. Прости, Ольга. Я вернулся к тебе. Раньше не смог. Я вернулся к тебе сегодня. Я хочу быть с тобой. Я хочу взять тебя с собой.

Мать. Коли суждено душе моей гореть в огне, то пусть это будет священный огонь. Никогда не пойду под черный дождь.

Призрак Отца. Я тоже чуваш, Ольга...

Мать. Мало быть чувашом. Надо быть человеком.

Призрак Отца. После смерти — каждый из нас человек. Смерть всех наряжает в одну одежду. В белую.

Мать. Чаше — в черную.

Призрак Отца. Ольга, я застрелился в своем офисе среди бела дня. Нацелил пистолет в висок и спустил курок. Потому что почувствовал, что скоро мы встретимся. Теперь вечная жизнь пред нами. Вечность и блаженство.

Мать. Нет, Ягур, не пойду я с тобой. Я пойду с Васили, на наш деревенский мазар.

Призрак Васили. Не надо, аби.

Мать. Почему, Васили? Там все односельчане, наверно?

Призрак Васили. Как же Радик с Марине?

Мать. Не без рук мир-то, не без сердца. И теплоты, и холода достаточно.

Призрак Васили. Но ведь жалко...

Мать. А как иначе-то, ведь кровинушки твои.

Призрак Васили. Аби, почему не отпели меня?

Мать. Сказала, без молитвы нельзя, да Валя воспротивилась, чтоб меня, говорит, из школы поперли?

Призрак Васили. Так ты идешь со мной, аби?

Мать. Иду, да только попозже. Ты беги давай. Только не забудь вернуться за мной.

Призрак Васили. Я страж, я спешу на стражу. В моих руках сегодня века. Этой ночью я пасу столетья.

Мать. Иди, иди. Я тебя жду завтра вечером, ладно?

Призрак Васили. Пока, аби.

Призрак Отца. Васили, сынок, взгляни на мать, она вся белая-белая, как мы с тобой.

Мать. Я-то? И вправду, белая...

Призрак Отца. Идем к плетню, Ольга. Ежевикой угостишь.

Мать. Ежевика — для живых. Для вас, мертвцов, в лесу растет крушина ломкая — по-нашему черемуха собачья.

Призрак Отца. Тогда пошли в лес.

Мать. Разве в Австралии нет лесов?

Призрак Отца. Там нет тебя.

Призрак Васили. Вы подождите тут, я сейчас сбегаяю.
(Быстро уходит.)

Призрак Отца. Умоляю тебя, Ольга.

Мать. Не умоляй, не надо.

Призрак Отца. Ольга!

Мать. Иди, Ягур, иди. Вон, видишь, заря занимается. Время тебе.

Призрак Отца. Когда здесь заря, в Австралии — сумерки.

Мать. Иди, Ягур, иди. День наступает. Новый день.

Кукарекает петух.

Призрак Отца. От всей души молю тебя, Ольга!

Мать. Не могу разлучиться с родной землей. Иди, Ягур.

Призрак Отца. Не соберешь ли тогда мне на дорогу горсть ежевики, Ольга?

Мать. Почему бы и не собрать?

Призрак Отца. Спасибо тебе, Ольга. Спасибо.

Мать. Что ты, Ягур, как-никак, мы с тобой были мужем и женой...

Призрак Отца. Может, и были, Ольга, только я ничего не помню.

Снова кукарекает петух, потом еще и еще раз.

Солнце силится взойти из недр земли. В ногах солнца — Жучка.

Мать. Солнышко... Шекочет, да?.. Ну да, шекочет, шекочет... Да пусть шекочет... Да мы сами, видать, уж больно щекотливые... Ну да, щекотливые...

То же самое место в саду, за домом. Окна в доме распахнуты настежь. Вдоль дома тянется плетень, на нем — ежевика. Голоса в доме.

Голос Вали. Что тебе здесь надо?

Голос Лиды. А тебе какое дело?

Голос Вали. Уходи сейчас же!

Голос Лиды. Что ты на меня кричишь?!

Голос Вали. Это не твой дом!

Голос Лиды. И не твой.

Голос Вали. Я здесь родилась.

Голос Лиды. Дом, в котором ты родилась, давно в печке сгорел.

Голос Вали. Все равно я здесь родилась, а ты — бродяжка бездомная...

Голос Лиды. Этот дом поставил Васили, это — его дом.

Голос Вали. Не трогай мертвых. Собери свои тряпки и уходи.

Голос Лиды. Радик теперь хозяин этого дома. Все здесь — его. Все тут для него и для Марине.

Голос Вали. А тебе что надо? Каменный дом, да? Сад, да? Что тебе нужно у нас?

Молчание.

Почему ты не уходишь? Что ты потеряла тут?

Голос Лиды. Ничего не потеряла. А только нашла. Все нашла.

Голос Вали. Шлюха! Ты не женщина, даже не человек, а зверь! Людоедка!

Голос Лиды. Поточнее выражайся, домоедка.

Голос Вали. Скажи мне, пожалуйста, если бы не было вот этого каменного дома, ты бы все равно осталась тут? Нет-нет, я не с умыслом, не со злостью спрашиваю. Мне просто по-человечески интересно знать.

Голос Лиды. А ты бы гнала меня отсюда, если бы не было этого каменного дома?

Голос Вали. Я бы гнала тебя даже из мертвой пустыни.

Голос Лиды. С того места, где вода, конечно?

Голос Вали. Да хоть откуда!

Голос Лиды. Почему ты так ненавидишь меня?

Голос Вали. А ты меня очень любишь?

Голос Лиды. Мне абсолютно все равно.

Голос Вали. Кстати сказать, во втором классе проходят, чем человек от животного отличается. Человеку все же присуще сознание, а у животного — только инстинкты.

Голос Лиды. Нашла дуру!

Голос Вали. Замолчи! Уходи из моего дома!

Голос Лиды. Перестань! Тебе нельзя нервничать. Ты — учительница. А потом, вообще пора уж о здоровье подумать. Все приличные люди, перешагивая четвертый десяток, начинают заботиться о своем здоровье. А еще, если хочешь знать, незамужним женщинам, которые замуж собираются, совершенно не рекомендуется волноваться, говорят, на месячных это сказывается...

Звуки схватки.

Голос Вали. Я тебя!.. Вот тебе!.. На!..

Голос Лиды. Змея!

Голос Вали. Хочешь, чтоб я у себя дома сучек разводила?! Прочь отсюда, сука!

Голос Лиды. А еще интеллигентка! Да разве ты женщина? Ты же мужского запаха не нюхала!

Голос Вали. Убирайся! Убью! Убирайся немедленно!..

Из дальнего конца сада медленно идет Мать, садится на табуретку возле дома.

Ты, ты во всем виновата! Ты убила Васили! День и ночь проклинала его, чтобы сдох! Тебе одной хотелось жить и наслаждаться в этом большом доме! Дьявол, дьявол ты! Ты, ты виновата! Ты погубила Васили!

Голос Лиды (*захлебываясь криком и слезами*). Ах, Валя, что ты такое говоришь? Как у тебя язык поворачивается?!

Мать плачет.

Голос Вали. Слезами хочешь разжалобить? Плачь, плачь, глаза протрешь заодно.

Слышно, как со злостью захлопывается дверь в сених. В саду появляется Валя. Разгоряченная схваткой, она сначала не замечает Мать, широкими шагами направляется в конец сада, граничащий с лугами. Потом вдруг оборачивается и видит Мать. Мать молчит.

Валя (*оправдываясь*). Пойми, аби, ей теперь нечего у нас делать. Пусть убирается восвояси. Не я же убила Васили, не я виновата, что его больше нет. Он же теперь не воскреснет.

Значит, судьба его такая. А более судьбы она, она убила его! Жить с чужой женщиной, которая его совершенно не понимала, — это не у очага руки греть. Она должна уйти отсюда. Потом, сама знаешь, аби, Васили не один строил дом. И моя доля в нем немалая.

Мать молчит.

Аби, ты не вмешивайся, ладно? Мы сами разберемся. Если сейчас не поторопиться, потом может стать поздно...

Слышно, как в доме плачет Лида.

И мне ведь жить хочется, аби... Я твоя родная дочь.

Мать. Голова гудит, точно лес в бурю. Ничего не вижу. Вокруг черная тьма. Она пожирает последний свет в глазах. Но зачем?...

Валя. Аби, я решила...

Мать. Третий день подряд дождь, земля размокла, воздух посвежел...

Валя. Не ругай меня, аби. Жизнь так велит.

Мать. И луна иссякла, и солнце не светит. *(Медленно поднимается и уходит в дальний конец сада.)*

Валя. Что это с ней? Или от старости она заговариваться стала?

С диким криком пролетает Ворона.

Как свежевспаханная гряда, и ни единого следа на ней.

Прибегает Жучка, начинает ластиться к Вале.

Ого, не замечала доселе, какая ты пушистая, оказывается. Шапка из тебя славная получится. *(Жучка отбегаёт от нее на некоторое время, затем возвращается с потрепанной книжкой в зубах.)* Что это такое? ...литическа... ко...номи... кономи... Что ты визжишь, собачонка? Спариться хочешь? Осень скоро. Что же тогда все это значит? Бред собачий. Весной или в лучшем случае в конце зимы надо спариваться. По закону природы.

В сад выходит Радик.

Радик. Вальагу, Вальагу! Тетя Валя!

Валя. Чего тебе, Радик?

Радик. Вальагу, мама плачет и плачет, ни за что не пейестает. Я спйашиваю у нее: почему ты плачешь, мама, а она

мне говойит: ах, Йадик, и ни слова больше. Скажи-ка ей, Вальагу, чтоб пейестала, а то не выношу слез. Мне самому хочется плакать. А когда йевешь, голова болит.

Валя. Да пусть плачет, Радик, пусть. Слезами только умоется. И чистая-чистая станет.

Радик. Почему ты так говойишь, Вальагу, она ведь и так чистая?

Валя. Грязь разная бывает. Бывает и чистая на вид грязь.

Радик. Вальагу, где мамак? Ты ее не видела?

Валя. Мамак? Во-он идет. *(Показывает в конец сада.)* Ох, как вы все мне надоели. Всю душу вымотали!

Радик бежит за Матерью.

Подохнешь от вашего галдежа. Никакого порядка! Сплошная наглость. И глупость беспредельная. Точно поленья на дворе. Поленья-голодранцы.

Йоссах *(по ту сторону плетня, из своего сада)*. Э-эй, Ольга-ги-и!..

Валя. Нет ее. На луга пошла, за теленком.

Йоссах. Это ты, Валентина Егоровна?

Валя. Я, Йоссах, я.

Йоссах *(декламируя)*. Ты стоишь предо мной за плетнем, я гляжу на тебя, словно в душу свою... Саям алейкум, Валентина Егоровна!

Валя. Чему радуешься, Йоссах?

Йоссах. Вот гляжу на тебя — и радуюсь. Гляжу на себя — и радуюсь. А чего ж не радоваться-то?

Валя. Словно женился три дня назад. И не стыдно тебе, Йоссах?

Йоссах. Кому какое до меня дело? Может, я от любви свихнулся? От любви к Вассе? Почему свихнулся? Потому что люблю ее. Теперь, когда ее нет, люблю пуще прежнего. Она сама покинула меня, без меня, без моей помощи, без моего совета и любви. Жаль, сына не родила. Ох, как люблю я Вассу!..

Валя. Йоссах, у тебя трезвые дни бывают?

Йоссах. Милая моя учительница, учительница первая моя, банный день — трезвый день. Ни грамма, ни-ни.

Валя. Раньше ты другим был, Йоссах.

Йоссах. В колыбели-то?

Валя. В молодости.

Йоссех. Сейчас не молод разве?

Валя. Бросай пить, Йоссех. Ты же хороший человек, когда не пьешь.

Йоссех. Ладно, ладно, я могу уйти. Даже из своего сада.

Валя. Брат уехал, что ли?

Йоссех. Для него мои двери всегда распахнуты настезь. Как приедет, так и уедет. Счастливого пути, товарищ милиционер! До самой до Москвы скатертью тебе дорожка, а то там без тебя разграбят всю столицу, братан мой дорогой. Или того хуже — взорвут. Но только, пожалуйста, сними ты эту свою форму, хотя бы в деревне. И усы сбрей, пожалуйста. А то гребешок у тебя уж слишком большим кажется. Ну просто страшно большим!

Валя. Ты что, поругался с ним?

Йоссех. Я-то? С милицией не связываюсь, не сдурел еще, законы знаю малость, хоть и пью, конечно.

Валя. Что с тобой, Йоссех? Почему ты так дурачишься?

Йоссех. Раз скалятся зубы, чего ж их не скалить?

Валя. Ах, Йоссех, Йоссех, какой ты чистый мальчонка был! Помнишь, как мы с тобой однажды до зари у нашей калитки простояли? Как ты все целоваться лез?

Йоссех. Я давно уже ничего не помню. Я давно все позабыл, Валентина Егоровна. Да и, простите, вспоминать не хочу.

Йоссех уходит. Валя тоже уходит во двор.

* * *

Тот же сад, то же самое место за домом. Вечер.

Йоссех — по ту сторону плетня, по эту — Лида.

Лида. Не случайно все это, Йоссех. Я ни за что не поверю, что случайно. Такие вещи случайными не бывают.

Йоссех. Лида, ты видела их вместе когда-нибудь, ну... за этим самым?..

Лида. Нет. Но чувствовала. Конечно, при желании могла бы и увидеть, но притворялась, будто ничего не знаю, не чувствую. Так легче, понимаешь. Лучше уж сама себя буду обманывать, нежели кто-то другой.

Йоссех. А я застал их как-то за любовью. В бане. С утра я отправился в лес дрова рубить для школы, но по дороге у

нас сломалась машина, и мы вернулись обратно. На двери замок, Вассы нет. Ну я, весь замерзший, бегом в баню — бражка там у нас стояла в бидоне. Пришел, а там они... Голые оба... Я из бани без оглядки... Никогда ни слова об этом Вассе — делаю вид, будто ничего не знаю... Не видел их будто... Или как во сне: видел да позабыл тотчас же... А когда с Васили здоровались, так оба опускали глаза... С того дня я ни разу не прикоснулся к Вассе. Повернемся спиной друг к другу осторожно так, чтоб ни одного лишнего движения, — и лежим, лежим, смотрим, кто в потолок, кто в стенку...

Лида. Со мной он всегда был холоден и слаб. Руки у него, помню, были как лед. Подвинься, говорю, поближе, дай руки согрею, а он виновато так улыбается и говорит: ты не смотри, что руки у меня холодные, зато сердце горячее...

Йоссах. А я напиваюсь и кричу: Васса, водки давай! Ах, Йоссах, говорит она, ну почему ты пьешь? А я пью, чтоб тебе хорошо было, разве не знаешь, кричу во все горло. Чем же мне хорошо-то должно быть от твоей пьянки, спрашивает Васса. А тем, говорю, что покамест я пью, ты можешь делать все что угодно и любить можешь кого угодно! Это я так, нарочно, с издевкой. А у самого душа вся израненная, волком хочется выть! Она сразу в слезы и говорит: ах, Йоссах, ну почему ты так возненавидел меня? Да я люблю тебя, дура, всем своим существом люблю, иль ты не чувствуешь этого? Не чувствуешь, как люблю твою холодную каменную спину? — кричу я ей... Йоссах, ну если я тебе опротивела, что ж ты не выгонишь меня из дому, говорит она. И я не могу сдержаться, ударяюсь в слезы... Господи, как я хотел в тот день пойти вместе с ней в луга! Нет ведь, не взяла... Да если бы я знал...

Лида. Говорят, с ними были жена Илли и Синук. Васили с Вассой пошли дальше, а эти остались у черемухи. Ждем-пождем, говорят, а их все нет да нет. Когда, говорят, подошли к обрыву поближе, они уж под землей лежали. Видимо, спустились вниз, к воде, чтоб искупаться, тут берег и обвалился на них... А одежды их, говорят, наверху сложенные лежат. И плачут... Да-да, плачут, говорят... Вглядывалась-вглядывалась я вниз-то, говорит жена Илли, у самой в глазах потемнело, в обморок упала. А Синук, говорит, смотрю,

и кажется, будто земля шевелится... А может, и вправду шевелилась. Хотела, говорит, спуститься туда поближе, чтобы разгрести, тут еще, говорит, обвалилось. И два голоса, говорит, из-под земли слышатся, мужской и женский, два плача, две мольбы...

Каркает Ворона. Стрекочет Сорока.

Ты не пей, Йоссах... Нет, пить-то, конечно, пей, а то как жить-то, коли не пить, да только меру знай, Йоссах, ладно?..

Пауза.

Йоссах. Уехали сестры, и дом опустел. Ты не подоишь ли мне корову?

Лида. Ты приди скажи, в какое время...

Йоссах. Вечером, когда стадо пригонят.

Лида. Если не уйду до вечера...

Йоссах. Куда?

Лида. Домой.

Йоссах. Хочешь повидаться, поговорить с братом?

Лида. Навсегда, насовсем...

Йоссах. Что случилось, Лида?

Лида. Ничего.

Йоссах. Тогда почему уходишь?

Лида. Потому что надо уходить.

Йоссах. Гонят, да?

Лида. На это не обращаю внимания.

Йоссах. Не уходи, Лида, прошу тебя, очень прошу, не уходи...

Лида. Ах, Йоссах... *(Плачет.)*

Йоссах *(не зная, что сказать)*. Не плачь, Лида. Не плачь... Не уходи, Лида, не уходи...

Лида. Ах, Йоссах...

Йоссах. Ну что ты, Лида!.. Не плачь, ну не плачь, Лида... На то она и жизнь, что в ней всяко бывает...

Лида. Нет, мне надо уходить, Йоссах... Надо уходить... Прожила десять лет как раба, хватит...

Йоссах. Лида... айда вместе уйдем... в мой дом... Мне, понимаешь, помощник по дому все равно нужен, руки-то женские нужны... и прибираться... и корову подоить... Только, ради бога, не смейся надо мной, Лида... Лида!..

Лида. Ах, Йоссах!.. Йоссах, вы ведь с Васили родные братья, одной крови, у вас один отец, отец Васили...

Йоссах. Знаю. Мать говорила перед смертью...

Лида. Я почему-то всегда жалела тебя, Йоссах... Хоть много раз и ругала тебя. Но слова худого о тебе никогда не говорила. Когда смотрела на тебя, у меня всегда невыносимо начинала болеть душа. Вот почему и прогоняла тебя из нашего дома... Глядя на тебя, я думала о своей судьбе...

Йоссах. Лида! Лида!.. Я брошу пить. Радик и Марине мне не чужие, как родные они мне, я очень люблю их обоих, я буду тосковать по ним...

Крики Сороки и Вороны все сильнее и сильнее, точно они стараются перекрыть друг друга.

Из дальнего конца сада прибегает Марине.

Марине *(сквозь слезы)*. Мама!..

Лида. Что, Марине, что?

Марине. Мама, мамак там... лежит...

Лида. Где?.. Как лежит?..

Марине. Там, на лугу... Радик ей говорит: вставай, мамак, домой пойдем, а она ни слова... Потом еле-еле открыла глаза и говорит: ах вы, бедняжки мои милые, да не оставит вас господь, дай бог вам счастья и терпения... И опять закрыла глаза... Радик заплакал, а она говорит: не плачь, Радик, не плачь, все мы приходим и уходим...

Лида бежит в дальний конец сада, туда, где начинаются луга.

Йоссах. Ах, Ольгаги, Ольгаги!.. Не выдержало, стало быть, твое сердце... Вот ведь беда-то какая. И как только земля все это терпит?..

Йоссах тоже бежит на луг.

* * *

Ночь. На плетне сидит Йоссах, плачет.

Йоссах *(напевая сквозь слезы)*. Твоя душа приходит ко мне как заблудившийся щенок. Она лижет мою руку и ревниво смотрит в глаза моей души. Твоя душа приходит ко мне, а я устал от ее взглядов, по-собачьи верных и по-собачьи любящих. Твоя душа приходит ко мне, и пока ее, как щенка, устраивает лизать мою душу. Но я надеюсь, что она никогда не вырастет, но все же, перестав лизать руки и душу мою,

начнет думать о моей душе... Я надеюсь и жду этого, и сам, как щенок, лижу подлой ночи душу*...

Медленно подходит к нему Жучка.

Привет, Жучка, привет! Ну-с, друг мой, как поживаешь? Ну-ну, жить-то надо. Такая она штука — жизнь. Да-да, такая вот штуковина. Сегодня есть, а завтра нет. Только душа остается. Так-то вот оно, Жучка. СССобачья у наССС ССС тобой СССудьба: у ЖучКККи-со-баКККи и у человека ЙоСССеХ-ХХа... Вот так мы и живем с тобой, Жучка. И вся жизнь у нас так и проходит. Жизнь она — штука вечная... Да-да, Жучок, вечная... Се ля ви. Пардон. Ну да, такова она, жизнь. Такова.

Голоса, плач.

Громче всех крик Радика: «Мамак! Маа-аамаа-аак!.. Маа-аамаа-аак, го-войю!.. Маа-маа-аак!»

Рассвет. Багрово-красный рассвет.

Ежевика вдоль плетня. Крупные, вкусные ягоды. Но все они почему-то только сизые, нет ни красных, ни желтоватых. С дальнего конца сада устало приходит Жучка и, высунув язык, повисает на плетне. Глаза ее сверкают как-то бесчувственно-мучительно.

Жучка испускает последний вздох.

Где-то неподалеку слышен плач Йоссеха.

Вдруг отовсюду начинает слышаться плач.

Плачут все и вся, но громче всех слышен крик Радика и Марине: «Маамаак! Маа-а-амаак! Маамаак, говойю! Ма-а-а-аа-а-а-ам-а-а-а-а-аак!»

Лида: Ах, Йоссех... (Плачет.)

Йоссех (не зная, что сказать): Не плачь, Лида. Не плачь.

Не уходи, Лида, не уходи...

Лида: Ах, Йоссех...

Йоссех: Ну что ты, Лида... Не плачь, ну не плачь, Лида...

* В монологе использовано стихотворение латышской поэтессы Дагнии Дрейка. (Авт.)